

КЛАССИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Оксана Духова

БЕЛАЯ ВОЛЧИЦА
КНЯЗЯ
МЕНШИКОВА

К

КРИСТАЛЛ

Оксана Духова

Белая волчица князя Меншикова

Духова О.

Белая волчица князя Меншикова / О. Духова —

Юный князь Александр Александрович Меншиков, сын опального Светлейшего князя, умершего в Березове, стал свидетелем гибели неизвестного у собора Петра и Павла. А затем ему привиделся жуткий призрак. Он предрек приход царства Тьмы и исчезновение Петербурга. Князь попытался бежать от отвратительно реального для него, безжалостного призрака, и покинул Северную Пальмиру. Но где бы он ни скитался, где бы ни прятался на просторах России, – всё было безнадежно. Князь решился вступить в единоборство с «тенями» и выяснить, кто и зачем сводит его с ума, и кому выгодно опустошение столицы. Рядом с ним верная и таинственная помощница, неподвластная самой императрице Анне Иоанновне...

Содержание

НАЧАЛО	5
ПРЕЛЮДИЯ	26
Часть первая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Оксана Духова

Белая волчица князя Меншикова

В книге использованы подлинные документы, отрывки из писем, указов и мемуаров.

НАЧАЛО

... – И что же ты, Варварушка, читаешь? – голос верного аманта заставил Варвару Михайловну подскочить.

– Ох, напугал, Ирод! – смущенно выдохнула она и залилась девичьим румянцем, столь забавным в ее летах.

Галантный кавалер подхватил оброненный дамой сердца старинный фолиант и прочитал:

– «Исповедь патриарха земель полнощных Мунта, всеродителя мудрости острономейшей, писанная им самим»! Откуда... откуда это у тебя?

Варвара Михайловна разволновалась:

– А что ты так разморошился, светик мой, Анатолюшка? То чухонка проклятая муженьку сестрицы моей на тезоименитство его подарила. Велела хоронить от глаз любопытных. Ну, а от моих-то глаз разве кто что схоронит?

Анатолий Лукич Сухоруков, бывший денщик умершего Императора, осторожно отложил убранный в телячьи кожи с золотым теснением фолиант в сторону. «Она взялась раздавать бесценные книги. Чует, что ли, приближение Неминуемого? Или вспомнила? А, может, и не забывала никогда? Пора, пора решаться...»

– Так ты решилась, Варварушка? – вкрадчиво спросил Сухоруков, блеснув серыми, «тухлыми», как говаривала проклятая чухонка, глазами.

Варвара Михайловна поднялась, неуклюже двинула по светелке скособоченное горбатое тело.

– А доколе эту дрянь терпеть? Князь за ней, как приклеенный, а сестрица моя, дуреха кособокая, не замечает ничего. Годами не замечает!

Анатолий Лукич удовлетворенно потер руки. Он, олонецкий купчина, известный всему Поморью, бросил дом на приказчиков и отправился простым денщиком вослед за проторившим «осудареву дорогу» властителем, ибо почуял в нем энергию давно ушедших Темных князей. Велик был потенциал гнева в том человеке, ох и велик! Он, Сухоруков, стал его опекуном в науке Отпавших.

И по праву мог гордиться деяниями Темного Императора.

Тот терзал свой народ, прямых потомков борейцев. Налогами душил. То налоги на рождение, похороны, браки, завещания, урожай пшеницы назначит. То на свечи, на лошадей, на конские шкуры, на хомуты, на ульи, на орехи, на огурцы, на питьевую воду. Были еще налоги за покупку кроватей, за посещение бани, за покупку дров, за рыбную ловлю и за покупку гробов. Темный Император содрал с храмов колокола, лишив народ, кое-где еще помнивший славу белых вещунов, намоленной защиты небес, и ныне колокола, собранные, дескать, на пушки, валялись без надобности в грязи. Темный Император принес в жертву единственное свое родное чадо, окончательно затянув петли Отпавшего мира.

Но – о, проклятье! – Она была все время поблизости, Она мешала окончательному торжеству Анатолия Лукича. Она могла маскироваться, скрывать под черными париками истинный цвет своих волос, но желтые-то глаза, светившиеся как расплавленное золото в минуты гнева или душевного напряжения, глаза эти не укроешь!

И вечной тенью, тенью оберегающей и преданной, следовал за нею Князь, когда-то бывший верным служителем Темного Царя, но после встречи с Нею обернувшийся псом белой волчицы.

– Пора действовать, – удовлетворенно вздохнул Анатолий Лукич.

...Мы с братом никогда бы не смогли выжить без этой земли. Здесь находятся петли мира и Крайние пределы обращения светил. Нет, честно, я никогда бы не смог выжить без этой земли, где смерть приходит только от пресыщения жизнью.

Наш город именовался Мартаа, город-Покой, город Земной Оси.

Двадцать четыре крепости на берегах Великого Вращающегося Озера – вот и вся Мартаа.

Мой братец Япет был великим градостроителем – стены города гармонировали с окружающим пейзажем. Не сразу заметишь мощные, покрытые скупой резьбой башни посреди оснеженных скал, расположенных так, что лишь две из них оказывались в пределах видимости.

Когда Япет строил Мартуу, то говорил что-то про возможность передвигаться по Вселенной. Нечто вроде этого: «Для странствия по Глубинам необходим наш град, Покой».

Ему, мечтателю, виднее...

Я любил мою землю и поначалу любил ее людей, людей Оси – вечных странников-оборотников, лихо перескакивавших чрез Миры, не преступавших лишь одного – порога ада.

Они не любили чужеземцев, ибо здесь бессильно зрение человека, пришедшего с того, адова, порога. Ох, как же расстраивало меня сие упрямство земляков! Но я любил их и готов был поделиться с ними великими знаниями...

Теми, что позволили бы им запросто беседовать с душами стихий. Благодарности я не дождался, а в Храме Странствий, коему верой и правдой служил братец мой, Япет, и вообще по головке не погладили.

Храм Странствий... Его каменное тело висело в воздухе точнехонько над жерлом Великой Впадины. Мчались над землей века, а огромная тень парящего Храма все так же падала на покатые поверхности ее чудовищного водоворота.

Тень, мерцающая непрерывно, множилась от сполохов небесного огня, которому не было конца над горизонтом Великого Озера моей полунощной страны-земли.

Никогда не любил Храма Странствий. Вступая под его своды, чувствовал, что сознание мое меняется. Пропадает желание говорить, внезапно отнимается дар речи. Я ненавидел в такие моменты его четырехмерность, его пространство – пространство бесконечной сложности, как это бывает в гигантском Лабиринте.

А Храм ненавидел меня и старался не упускать из виду. Храм Странствий наблюдал за мной.

А я наблюдал за теми, что тщились страстно овладеть тиу – силой ясного чувствования, Культурой Тайны. Я наблюдал за главными странниками – за волхами, за двенадцатью богами, двенадцатью Волями, Силами, Могуществами...

Вот он, Кор – покровитель воли к покорению, преодолению препятствий, к завоеванию. Но разве возможно завоевать все?

А Нарал? Смиранный благостник, бог воли к приятию, униженной покорности. Но кто сказал, что достижима абсолютная покорность?

Терпеть не могу Ларифура, вечного Начальника, вечного голована нашего мира. Забыл он, ох, забыл, что истинный Начальник Всего – только лишь само великое Начало.

Фигляр прежалкий Палия, божок игр, что дурманит разум людям, надеясь таким образом обойти острые углы бытия. Возможно ли это?

Эрс, стихия воли к исполнению правил, о, как ты надоел мне своей однозначностью! «Мунт, ты должен...»

Друг мой, я ничего тебе не должен!

Попробуй, отбейся от такого, когда за его спиной преданно маячит Рет, бог догмата. Япет в последнее время стал большим его поклонником, желает, чтобы мир строился на основе строжайших аксиом, исповедовать которые нужно с фанатичным самозабвением.

Более всех мне симпатична парочка неразлучная храмовников – Дол, что исповедует волю к изучению природных законов, действующих в мироздании, да Ро, бог воли к осмыслению. Они – мудры, и это уменьшает горечь их строгих отповедей.

Тарида, надменная богиня воли к власти. Вечно высовывается из самых темных закоулков Лабиринта Храма. Да еще ведет себя так, как будто бы уже давно все на свете завоевала.

Но не меня!

После встречи с Таридушкой так и тянет в объятия Лиут, богини печали. Люблю ее за то, что знает мудрейшая: и в человеке, и в природе мира вечно живут две равновеликие энергии – энергии Добра и Зла, Света и Тьмы.

Но печальная богиня сторонится меня, ей я неприятен. Что же...

Зато Лиут бежит по пятам за Борой, Единым.

Он ненавистен мне. Возможно, я ревную?

Ревную так, что повенчался с продажной Карис, стараясь скрасить горечь нелюбви Лиут. Богиня разрушения. Карис родила мне сына... Страстное Исступление и Экстаз слились в его душе...

Я устал от трезвого Света желтых глаз Боры, от его белых волос, белых одежд.

Я полюбил ночь. Да будет она безлюдна, да не войдет в нее веселье! Да померкнут звезды рассвета: пусть ждет она света, а он не приходит, и да не увидит она трепетанье ресниц денницы. Я полюбил ночь, я полюбил тьму.

Глупы двенадцать богов Храма Странствий, глуп братец мой Япет, ибо Истинный Свет, что так ищут они, являет себя во тьме. А им суждено рыскать в ночи белыми тенями-волками и ничего не видеть.

Я обожествил бездну и отныне не желаю кланяться небесам. Моими кумирами стали безотчетный порыв и тьма. Храмовники обозвали меня Темным Князем? Что ж, я, Мунт, горд таким прозванием. В ночи обрел я пространство непокоя.

Я еще создам свою собственную Отпавшую Землю...

Незадолго до заката небо нахмурилось. Вот ведь дела, был себе солнечный денек, теплый для этого времени года. И принесло облака – с Отпавшей Земли, откуда же еще...

– Опять Отпавшие, – проворчал Япет, великий создатель Марты и верховный волх Храма Странствий.

Впрочем, Япет еще тогда, когда жертвовал ягненка, возвращенного в любимой крепости богини Лиут, Нинчурте, об этом знал. Знал о том, что будут дико метаться по небу облака, бесноваться, сталкиваться друг с другом, пожирать синеву неба и сладость света.

Япет тяжело вздохнул и почувствовал внезапно, как растет лихорадка шума и вибраций грома в его теле. Реальность мыслей прорезала молния, грозя унести его к другим событиям в иные времена.

– Не сейчас, – прошептал он тихо, сипло. – Только не сейчас.

Неслышно к нему приблизилась Рамта, служительница богини печали. Остановилась, молча ожидая, когда Япет ее заметит. Будто под могучим прикрытием волха захотела укрыться от того что варится, уже закипая, в небесном котле и готовится излиться на землю.

Япет обернулся к Рамте с улыбкой.

– Моя владычица спрашивала о тебе, великий волх, – прозвучал негромкий голос девушки. – Дитя никак не хочет появляться на свет борейский.

– Это девочка, дорогая моя Рамта, девочка, – снова улыбнулся Япет и отослал служительницу. Он видел, что на мгновение личико молоденькой Рамты прояснилось. Слабый такой проблеск надежды после целой ночи и долгого дня подле измученной болью владычицы.

В покоях Лиут царила духота, обожженная болью и страхом. Служительницы, старые и молодые, в отчаянии столпились вокруг ложа богини печали. Все, что они могли сделать, они и так уж сделали: горячая вода в чашах томилась ожиданием, льняные полотенца тосковали без дела.

В окно, завешенное огромным белым покрывалом, вместе с шумом ветра проникал и жалкий сумеречный свет.

Повелительным жестом Япет велел служительницам покинуть покои. «Все, что должно произойти, записано на скрижалях. И все, записанное, пребудет неизменным».

Он приблизился к владычице. Измученная долгими часами боли богиня лежала неподвижно. Глаза закрыты, словно она стыдится страха, который не в силах прогнать даже Япет. Лиут родила Бору уже троих детей, но все они растворились в петлях мира, едва увидев свет.

«Без происков Мунта тут не обошлось», – зло подумал тогда Япет.

Лиут была юна, и Бора, любивший ее с тихой преданностью, увез богиню из Храма, укрыл в Нинчурте. «Пусть Женские Груды защищают ее», – поддержал Бору Япет.

Япет склонился над богиней, погладил по лбу, и Лиут открыла глаза. Глаза цвета темного золота, не утратившие своего загадочного блеска даже теперь, на пороге растворенья в петлях мира, в боли, в обиде на боль. Богиня попыталась привстать и заговорить с Япетом.

Она была щемяще, тоскливо прекрасна. Казалось, ее тело печалится здесь в земной юдоли и стремится вознестись в небо, парящее выше Храма Странствий.

– Молчи, моя владычица, – шепнул Япет и вытащил из складок белых одежд ампулу с черной горчайшей жидкостью. Прижал к губам богини, и та глотнула осторожно.

– Твоя дочь сейчас появится в мире Бореев, – речь Япета звучала усыпляющим журчанием ручья. – Ты назовешь ее Мартой, как наш возлюбленный град. Ее глаза узрят то, что незримо нам, что сокрыто завесой времени и пространства. Она станет великой Тринадцатой богиней, Белой Богиней Судьбы, Волчицей, в ней не умрут волхи.

Когда будет исполнено наше время, рассеется народ волхов по землям, далеким от Великого Вращающегося Белого Озера, словно ветер на исходе лета пыль развеет.

Лиут закусила губу, и на мгновение Япет сумел погрузить свой взгляд в расплавленное золото ее глаз.

Богиню скрутила боль, Япет отступил от ложа, подгоняемый криком младенца. Крик прогнал бесноватый ветер, порвал нити паутины. В лесу молния крика ударилась в священное Древо Тринадцатой Богини.

Япет смотрел на бесценную маленькую жизнь, что на мгновение оказалась у него в руках.

– Марта еще превзойдет меня. Так записано в скрижалях странствий, и так должно быть...

... Вот ведь что получается, – даже Бора с Лиут почувствовали себя неудобно в Лабиринте Храма Странствий! Спрятались в Нинчурте, укрылись материнским лоном скал.

Тоже от Храма отпали, только вот не ведают о том.

Им нравится созерцать торжественные шествия борейцев к сакральной точке, где – как нашептала по секрету моей женошке Лиут, – когда-то произошло соитие Неба с Землей.

Эх, нам бы с Карис тот дворец, которым одарил Япетка Бору и Лиут! Хрустальные палаты с гротами и покоями из обтесанного камня. Сквозь полупрозрачные своды пробиваются солнечные лучи, распаваясь на радуго. Красота – не привидится такое и во сне! Ничего, когда-нибудь мой сын Анат воссядет в этом дворце как повелитель. Не будь я Мунтом...

Стены переливались на солнце, лучились красотой, от которой занимался дух. Бора устроил празднество в честь Тринадцатой Богини, что ныне достигла своего пятилетия. Эти пять лет были особенно богаты и счастливы. Не лютовали ветра, не давили на душу небесную тучи, не дышало жаром Великое Озеро. Соглашались оставаться в жизни мудрые старики.

С тех самых пор, как их маленькая дочь впервые увидела свет мира, жизнь на Нинчурте сделалась спокойной и веселой, как никогда прежде. Все вокруг радовалось выражению желто-золотых глаз девочки, в глубинах которых мерцали черные крапинки, словно поднял их со дна души ветер неведомый.

Она ничем не отличалась от других детей ее возраста. Разве что была невероятно свое-нравна. Но Япет успокаивал Бору. Мол, только благодаря Марте без труда явилась на свет Таната, младшая дочь богини печали, грядущая богиня Смерти.

Бора кивал головой, соглашаясь. Он был счастлив. Но Бора был старым богом и прекрасно знал, что ничто не вечно, даже счастье умирает, стянутое петлями мира.

– Тебя что-то пугает? – прошептал ему на ухо Япет.

Бора и ненавидел и уважал способность великого волха передвигаться по земле бесшумно. «Он как будто невидимка, или белый волк крадет за добычей», – говорили о Япете.

Бора улыбнулся и подал знак Япету следовать за ним.

– Я был бы глупцом, великий волх, если бы ничего не боялся, – заметил он негромко.

– Ты прав, – вздохнул Япет. – Отсутствие страха намертво затягивает петли мира вокруг шеи любого из богов Бореи.

Мгновение Бора пытался понять истинный смысл, что таился в спокойствии Япета, но в то утро, исполненное солнца и веселой суеты, не было места для забот и подозрений. Бора залюбовался белыми, как снег на далеких горных вершинах, растрепанными волосами Марты и вздохнул.

– И почему Белая Богиня Судьбы решила стать моей дочерью? Неужто я это заслужил, а, Япет? – пробормотал Единый владыка Бореи. – Ты волх, так объясни. Ты ж Разум Огненный...

– Я только волх, мой владыка, который видит лишь то, что позволяете ему увидеть вы, боги. А сейчас я вижу, что Богиня Судьбы, Волчья Матерь, начнет драться с заезжим торгашом, – с затаенной усмешкой ответил Япет.

Бора рассмеялся, а затем шагнул к группе ребятни, окружившей офеню. Тот совершенно растерялся, не зная, как поступить с одной из девочек, самой дерзкой и задиристой: проигнорировать ее или отшлепать?

Увидев Бога Единого, коробейник рухнул на колени.

И тут заметил белые одежды стоящего рядом волха. Только Япета не хватало!

Но полушная душа торговца взыграла, и он заговорил сбивчиво:

– Этот день принесет тебе счастье, о, владыка! Я доставил тебе лучшие товары со всех концов Бореи. Шелка, опалы, лен, юных и сильных слуг.

– Неправда, – раздался спокойный голосок Марты. – Лен проточен, слуги – недужны.

Офеня лишился дара речи. Как ответить на это справедливое, но такое неожиданное обвинение?! Девчонка еще мала, но язычок ее, видать, сызмала ядовито-раздвоенный. «Эта маленькая дрянь испортит торговлю», – раздраженно подумал он.

– О, неужто я прогневал тебя, владыка Бора? – испуганно прошептал офеня. – Вели девчонке замолчать!

Япет не выдержал.

– С тобой говорит Тринадцатая Богиня, – вздохнул он. – Это Марта, дочь владыки. Поостерегись лгать в присутствии Богини Судьбы. Да отблагодари ее, чтоб впредь была она к тебе милосердной.

Япет обернулся к Марте. Она заворожено стояла перед ларцом, в котором лежал серебряный медальон. В сердцевине медальона сиял огромный опал. Камень был исчерчен странными линиями, отливавшими холодным голубоватым блеском.

– Тебе нравится? – спросил Бора.

– Он принадлежит ей по праву, – поспешил заверить богов офеня. – Прими, богиня, в дар и помилосердствуй обо мне, постигшим бездну алчности.

– Странное украшение для малого дитяти, – заметил Япет. В солнечном свете медальон, который держала теперь в руках Марта, казался нереальным.

– Это – мой амулет, он сбережет меня от Аната, ибо тот скоро будет здесь со своим черным отцом.

Вот и все, что сказала малышка. И убежала. Япет вздрогнул.

В этот самый момент в воротах крепости показался его брат, Мунт, темный князь Отпавшей земли. Рядом с ним ехал его сын Анат. Он был лишь на несколько лет старше Марты...

...Ох, и не любит же меня братец родной. Эвон как его перекосило, едва меня увидел... Я ж для него темный князь, бросающий вызов белым вещунам Борейской земли и укравший звездную астрономейшую мудрость у пресветлых богов из Храма Странствий. А теперь вот я явился к ним в гости. Он, Япетко-то, у нас тоже – пресветлый. И сам от пресветлости этой страдает. Эх, и на что такому свет, огорченному душою – жизнь? Боги его изнежились в лучах добра и даже уж на смерть не способны, слабаки. Япетка, почто им служишь? Ведь можешь-то поболее их всех! И на что дан свет мне, человеку, путь которого закрыт и родной брат которого окружил его мраком?...

...Анат испуганно замер, увидав прямо перед собой гигантского белого волка, столь могущественного, что мальчик невольно зажмурился.

– Ну, мой юный темный князь, никак ты испугался? – раздался над его головой голос Япета.

Анат вздрогнул – волк исчез, зато появился его дядюшка-вещун.

– Не знаю. А куда делся волк?

Япет засмеялся. Глаза Аната были безжизненно-серого цвета, темные волосы коротко острижены. Синяки и ссадины на ножонках красноречивее всяческих слов указывали на его юный, наивный еще, возраст.

– То есть, ты, как и батюшка твой, не можешь обращаться волком? Несчастный, ты лишен своего истинного облика. Впрочем, так и было предначертано.

Анат недобро прищурился. Огромный, могучий волх раздражал его.

– А изменить предначертанное нельзя?

– Мой маленький темный князь, все, о чем мы с тобой разговариваем ныне, кто-то до нас уже читал в великих скрижалях судеб. Время обгоняет время, все повторяется и повторится вновь, разве что чуточку изменившись. Но, тем не менее, все расписано в великих скрижалях.

Детскому духу свойственно сомневаться в словах взрослых и бурно противоречить.

– Ты – вещун, – Анат надменно вскинул подбородок. – А батюшка говорил, что вещуны видят ложное, рассказывают лживые байки. Утешают пустотою. Какие ж вы волки? Вы – овцы в невзгоде, ибо нет у вас толкового пастыря.

И, испугавшись великого волха, бросился наутек.

Анат нашел Марту в тенистом уголке двора. Она сидела на корточках, задумчиво разглядывая удивительный амулет. Цепочка была для нее длинновата, талисман свисал до пояса и немного мешал девочке.

– В один из дней у меня будет дворец куда больше вашего, – выкрикнул Анат.

Марта перевела взгляд с амулета на босые пятки мальчугана.

– О да, ты станешь Темным Царем, «Великим Отцом»... – негромко проговорила она.
– Конечно, а ты... Ты будешь моей царицей!

Марта засмеялась, озорно блеснули желтоватые, солнечные глаза.

– Я буду царем! – упрямо повторил Анат. Юная служительница вынесла в тихий дворик маленькую сестричку Марты – Танату. Малышка важно шевелила маленькими розовыми пальчиками. Анат и Марта кинулись к служительнице.

– Какая же она уродина, – хихикнув, прошептал Анат и пощекотал Танате животик.

– Какой же ты глупец, – хихикнув, прошептала Марта. – Она же еще маленькая, мы тоже такими были.

– Не верю, – упрямо огрызнулся Анат.

Марта коснулась губами лобика маленькой сестрички. Эх, Анат, не стоит спорить с Белой Богиней Судьбы, ведь в великих скрижалях она может написать все, что угодно. Ну, например, соединить тебя страшными вечными узами со своей сестрой, Богиней Смерти. И нельзя будет изменить предначертанное.

...Я бы, наверное, не смог выжить без этой земли. А она вдруг начала постепенно исчезать с лица Мироздания. Все туже вокруг нее затягивались петли мира. Клубящийся туман покрыл ее плоть. Особенно быстро перерождение пошло на побережьях. Крупные строения рушились. Дико разливались озера и реки, словно взбесившись от осознания собственной неуправляемости. Бешено ускоряясь, чудовищные потоки несли кружащиеся обломки и уцелевших людей в водоворот внутреннего великого моря. Я, несмотря на всю мою мудрость, винил в гибели земли белых вещунов вместе со всеми их богами. А те считали виновным меня, укрывшегося в Отпавшей Земле. И никто на самом деле не был виновен. Ибо так было записано в великих скрижалях, и нельзя изменить предначертанное...

В Священном лесу Белой Богини царила тишина. Где-то раннее лето уже раскидало по земле кусты цветущей земляники, а распутно обнаженные ветви деревьев целомудренно прикрыло нежной листвой.

Но здесь, в лесу, все было голо и мрачно. Дебри казались непроходимыми. Что-то таинственное мерцало и переливалось в воздухе, звенело совершеннейшими из всех звуков и наливалось соком.

«Наверное, это потому, что место сие священо», – подумал Анат, вместе с остальными знатными борейцами следуя по Священному лесу на ежегодный праздник Волчьей Богини. О, как ему не хотелось приезжать сюда! Но ни он, ни отец еще не решались на открытое сопротивление. Подчинение воспринималось Анатом как липкая, отвратительная и неотвязная болезнь.

Осевой туннель, усыпанный мелкими белыми камнями, распахнулся им навстречу, подобно волчьей пасти. В самом конце его, подобно зеркалу, чуть выщербленному ветром, мерцало Священное Озеро.

Холмы вокруг Озера, покрытые лесами, показались Анату живыми. Они будто впитывали в себя огни факелов, эхо музыки и пения и непередаваемые благовония Тайны, наполнявшей воздух.

«Это и есть сердцевина мира», – подумал Анат.

Сонное солнце залило все мягким и нежным светом, тихий ветерок с ленцой щекотал воздух.

В сумерках им всем пришлось пересечь в ладьи.

Вперед, заметно оторвавшись от остальных, ушла лодка Марты.

С тяжелым сердцем Анат следил за ее белым парусом.

Ладья невесомо скользила по глади озера навстречу берегу, узкую полоску которого уже окутала сонная темень, усеянная, как оспой, крапинками костров и факелов.

Там, на берегу начиналась широкая дорога, освещенная языками пламени в бронзовых чашах. Дорога вела на облысевшую от старости скалу. Вершину ее венчал амфитеатр мегалитов.

Марте невольно пришли на ум слова древнего борейского устава:

«Что касается места жертвоприношения,
То следует повернуться лицом
К нижней части долины и перекрестку дорог.
Там будет высокая гора, и открытое пространство,
Ограниченное скалами, плодородная земля с перекрестками дорог.
Повернитесь назад к горе, совершите приготовления
На открытом пространстве...»

Тяжелая рука легла девушке на плечо.

– Не дай огню славы выжечь тебе зрение, – прошептал ей на ухо Япет.

Даже Марта не слышала, как он подошел, как родился из сумрака вечернего.

– Мне нельзя опаздывать, – вздохнула Тринадцатая Богиня.

Но Япет был непреклонен.

– Не волнуйся и следуй за мной. У нас нет времени на всю эту мирскую суету.

– Суету, говоришь? Праздник в честь Тринадцатой Богини – мирская суета?

По лицу Япета скользнула его обычная загадочная улыбка, чуть-чуть надменная и вместе с тем лукавая.

– Да, суета сует. Праздники и жертвоприношения не помогут тебе, Белой Богине, ткать полотно человеческих судеб. Ты приближаешь людей к себе, а вместо благодарности они начинают чваниться и гордиться.

– Куда мы идем? – нетерпеливо поинтересовалась Марта.

– В Храм Времени.

Тропинка была узкой, крутой, едва различимой во тьме, но Япет шагал по ней уверенно, словно при свете дня.

«Наконец-то добрались!» – с облегчением подумала Марта.

Под отвесной скалой, на которой они очутились, темнели воды озера, а вдали, за холмами, переливался загадочный свет. Факелы и суetyщийся народ остались далеко позади, здесь и в самом деле не было места суете, священное ощущалось уже физически. Но оно, священное, было здесь иным, нежели в лесу. Оно шло из глубин земли, и, проникая в самую душу, укутывало ее сверхъестественным умиротворением. Храм Времени находился внутри отвесной скалы. Вход в него было непросто разглядеть несведущим глазам не посвященного в Тайну.

– Не удивляйся, – повернулся к Марте Япет. – Жрецы храма – на твоём празднике.

– А ты? Что же ты туда не идешь? – спросила Марта.

– Боре ни к чему мое присутствие.

– Знаю, отец боится тебя.

Япет замер. Затем отвел глаза от Марты, скользнул взглядом по ночному озеру и его стражам-горам, казавшимся темными набросками на великолепной картине небесных художников. А потом молча пошел в Храм.

Он был огромен, не так, конечно, как Храм Странствий, но все же... Марта вжала голову в плечи, храм был пронизан святыми тайнами, показавшимися ей вдруг чужими и непостижимыми. Она подошла к стене и осторожно коснулась шероховатой поверхности ладонью. Стена была поразительно теплой и живой, и Марта невольно задумалась о том, что за народ в свое время создал этот храм?

«Это безумие совершенства! Или совершенное безумие?»

– Время сжалось для нашего народа до размеров стен этого храма, и даже имена наши будут преданы забвению. Надолго, если не навсегда.

Марта долго молчала.

– Почему? – наконец, решилась спросить она.

– Ты, Белая Богиня Судьбы, Волчья Богиня, спрашиваешь у меня, почему?! – тихо ахнул Япет. – Это в порядке вещей, это – миропорядок. Тебе же, как всем борейцам, дана сила, власть над всем, что невозможно увидеть и услышать. Ты можешь руками соприкоснуться с гнойными ранами Событий, коим еще только суждено случиться в отдаленном будущем, и ты же способна соприкоснуться с тем, что укрыто покрывалами прошлого. И ты спрашиваешь почему! Борейцы, белые вещуны, долго жили дыханием земли, в гармонии с небесами. Но мой брат, мой родной брат нарушил эту гармонию! Его сердце – против нас. Он отпал во тьму. Помни, Марта, если человек убивает дерево, в нем самом умирает некая частица, что связана с единым целым. Если человек забывает небеса, небеса тоже забудут обо всем. И ополчатся. Но не на одного, забывчивого, человека, а на весь его род...

Они вернулись на праздничные торжества.

За Мартой внимательно следили серые глаза. Анат.

Что такое, что за дрожь охватила его внезапно, что за непонятный жар нарастает в нем, когда глядит он на Тринадцатую Богиню? Ведь она – враг. Так говорит отец.

На Марте обычная белая одежда, и волосы белые – белее не бывает! – распущены, как прежде. Странное ощущение – Марта перестала быть ребенком. Анат почувствовал ясно, что должен подобраться к ней поближе, ощутить ее тепло, ибо вокруг – одни враги, невозмутимые, белые, холодные. Те, которых не подчинить себе никогда. С ними холодно, знобко, и лишь она одна есть тепло, есть Жизнь.

Анат коснулся руки Марты.

– В один из дней я стану здесь владыкой, – прошептал он. – А ты – моей царицей.

Марта улыбнулась. Ей было жаль Аната. Да, в один из дней она станет его царицей, но ему не быть здесь владыкой. Время сжалось для них до размеров храма на одинокой скале.

В голове ее внезапно зазвенел хрустальный прозрачный голос:

«Твой избранник придет с западной стороны земли, оттуда являются все дурные предзнаменования, его язык будет похож и непохож на язык борейский. Волосы его цвета зрелой пшеницы, глаза покажутся синими-синими, как ясное небо ярким зимним днем. Он станет тенью всей твоей жизни».

Марта судорожно затрясла головой.

Анат ничего не заметил.

...Духовное мое бунтарство окончательно вызрело к началу эры Козерога. Я стал анти-миром мира белых вещунов.

Отныне мы стали друг для друга чем-то вроде страшного сказанья. Однако сказанье было реально...

Борейцы носились со своим цветом-символом. Белые! Ну да, конечно! Земля, ставшая теперь для меня бывшей, называлась иначе – Страной Белых Вод. Именно такими казались все ее многочисленные ручьи, реки и озера под непрекращающимся никогда матовым свечением воздуха.

Я же был черным! Карис, милейшая моя, всеразрушающая женушка, окрасила меня в свой цвет, заставляя считать ее – и только ее! – первоверховой.

Белые волхи совершенствовались в своей чудной, дивьей магии. Я созерцал их на почти-тотальном удалении и совершенствовал вместе с сыном наше колдовство. И их, и наша власть мысли над веществом и энергией была абсолютной. Почти абсолютной...

Воды времени текли... Идея Карис использовать волшеббу в качестве идеального оружия разрушения, представлявшаяся мне еще недавно страшной и дикой, все более овладевала моим сердцем. Карис умела тешить ущемленную гордость и оскорбленные чувства лаской всеуничтожения.

Анат тоже стал на сторону богини-матушки.

– Война – это ужас и безысходность, – вещал сын с видом мрачного мудреца. – Она нужна нам, ибо какие бездны откроет в себе душа любого белого борейца, низвергнутого в кошмар? Вот именно, душа потемнеет, затуманится тьмой от боли!

Но спровоцировать белых вешунов на такую войну – войну на уничтожение – было невозможно. Бора был не глуп, а уж Япеткой, братцем моим родным, я в иной ситуации мог бы гордиться. Ох, и многоумен братушка! Но и я тоже не прост.

Битвы не получалось. Мои воины попадали в искусно наведенный Япетом туман, и, блуждая, отклонялись от цели, бесследно растворялись в нем. Словно и не было никогда темных воинов. Белый цвет поглощал все остальные оттенки мирочувствований.

Он был всемогущ.

Борейцы признавали только поединки. Волк на волка, белый вешун на темного вешуна. И тут уж кто кого, то желтые глаза повергнут в прах черного волка, то – наоборот. Вот так и продолжалась эта странная война.

Война нетерпимого экстаза со всеохватным покоем.

Но в поединках ратных всегда гибнут лучшие....

Ветер, задувавший со стороны Великого Вращающегося Озера, принес с собой звуки и голоса смерти.

Небо закрылось, тучи, летевшие над озером, зловеще предвещали бурю.

Но, несмотря на это, процессия богов и верных им белых волхов двигалась к Храму Странствий.

Марта задыхалась от неприятного ощущения: за ней наблюдают, наблюдают издалека и враждебно. Побледнев, Белая Богиня обернулась: никого, кто смог бы предвещать угрозу. Музыка флейт и крики борейской толпы, сопровождавшей торжественное шествие богов, испуганно замолкали перед шипением теней, угрожающе надвигающихся с Озера.

Тени казались черными птицами, терпеливо выжидавшими того момента, когда можно будет налететь на свою добычу, заклевать...

Марта покосилась на Танату. Сестренка шла медленно, совершенно уйдя в свои мысли и не замечая ничего вокруг.

За богами захлопнулись врата Храма, словно их поглотило молчание. Чуть согрело лишь пламя факелов.

Храм Странствий был великолепен. Стены изукрашены листами золота, лампы и чаши с благовониями тоже из золота. Тяжелые ковры покрывали полы из белого камня, они съедали шаги, глушили любые звуки.

Это холодное великолепие было рождено царством мужчин. Оно кричало об их власти и силе. Здесь было неуютно богиням-женщинам.

А еще Марта никак не могла увидеть, разглядеть ту божественную нить, что связывает камень с землей, а человека с небом.

Легкая ледяная дрожь неприятно коснулась ее тела.

Неужели Храм Странствий, лучший и самый главный храм их благословенной земли, способен внушать ей, Богине Судьбы, тревогу?

Она с трудом перевела дыхание.

Церемония началась.

Внезапно Марту охватил липкий, омерзительно неприятный страх. Глаза вдруг заволкло красноватым туманом, а потом в нервно подрагивающем огне факела появилось лицо неизвестного, изрыгающего проклятия человека. В руках он сжимал окровавленный меч странной формы.

В ужасе Марта отшатнулась. Кажется, кроме нее, никто ничего не увидел и не услышал. Только великий волх, до сего момента стоявший чуть поодаль, бросился к ней.

– Следуй за мной! – кратко бросил он на ходу.

Не решаясь еще раз взглянуть на того человека с мечом, что родился из пламени факела, Марта молча двинулась за Япетом. Они пересекли темную галерею, вошли в тесную камору. Запах трав и благовоний туманил голову. Здесь не было зажжено никакого огня, камора казалась совершенно пустой.

Япет отбросил в сторону посох, скинул остроконечную шапку и роскошный плащ. Великий волх молчал, пристально вглядываясь в Тринадцатую Богиню Бореи. Она очень изменилась. Она была напряжена как остро отточенный клинок. Ее кожа излучала золотистое свечение, лицо казалось совершенным под копной белых волос, наколдовывающих нежный свет даже в самой непроглядной тьме. В ней не было мягкости Лиут, от Марты веяло решимостью. Она не была похожа ни на одного из борейских богов.

– Что ты увидела в огне факела, Марта? Голос Япета был глухим, усыпляющим и мирным, как нежное, ровное бормотание Великого Озера, высвобождающее мысли и язык. Он очень редко говорил так с окружающими, очень неохотно пользовался этой особой своей силой, ибо претило ему влиять на волю других существ. К тому же Япету было прекрасно известно, что, проникнув за покровы тайны другого человека, он впустит в себя чужие страхи и беды. И не всегда потом удается справиться с ними, не причинив вреда собственной душе.

Во времена своей юности Япет часто страдал из-за собственного дара, сурово расплачиваясь за умение проникать в самые дальние уголки мира теней.

– Смерть, – прошептала Марта. – Смерть, что придет с Озера...

– Значит, смерть... Я тоже чувствовал ее. Я предупрежу великого бога Ларифура, он усилит охранные заклания.

Марта молчала. В этой пустой каморе, не имевшей, казалось, никакого отношения к Храму со всеми его церемониями, она почувствовала себя заживо возложенной в роскошный саркофаг, и жажда обрести воздушные легкие крылья, спокойную радость воли все нарастала и нарастала в ее душе.

Япет легко коснулся рукою ее лба, отогнал напряжение. А потом заговорил, лишь бы утешить:

– Слышал я, что говорят о тебе, будто в целительстве ты лучше своего учителя.

– Может и так. Это лишь его заслуга, – отозвалась Марта.

Япет удовлетворенно кивнул головой. Он хорошо воспитал свою ученицу, передал ей все свои знания, тайные и явные. Но он всегда знал, что она достигнет неизмеримо больших высот. И день такой приближался. Марте не о чем было спрашивать Япета, он научил ее всему.

– Прислушивайся к голосам знаков небесных, – прошептал Япет.

Горькая улыбка скользнула по ее губам.

– О, не бойся, – вздохнула Марта. – Что еще остается Богине Судьбы, Волчьей Богине, как не прислушиваться к шепоту знаков, как не вынюхивать чьи-то следы на стезе Жизни?

Япет вздохнул. Страх, что проник сейчас к душе богини, постепенно начинал передаваться и ему...

Боги развлекались. Огромный зал Храма Странствий сиял от света бесчисленных факелов, оглушенный речами и смехом. С наступлением ночи с небес хлынули потоки дождя, освежающего душу и радующего сердца.

С Озера подул легкий ветерок.

Марта вздохнула полной грудью. Она покинула праздник и сейчас задумчиво бродила по галерее. Вроде бы, все было хорошо. Но темная, мрачная угроза начала пульсировать вдруг в ее голове, в ушах раздался пронзительный звон. Богиня увидела Аната.

– Наверное, мне это снится, – проворчал Анат.

– Что снится? – негромко спросила она.

– Ты, Марта. Конечно же, ты.

Потухший факел вдруг вспыхнул с новой силой, огонь затрепетал на ветру.

Аната на галерее не было. И быть не могло.

Но все же она видела его.

Музыка, голоса, грохот живого праздника, шум Великого Вращающегося Озера – все внезапно смолкло в ночи.

Марта почувствовала обжигающий холод медальона на груди и очнулась.

И в эти минуты под Храмом Странствий, вольно парившим в небе, задрожала земля, всколыхнулось Великое Озеро. Земля содрогалась и стонала, словно огромный, смертельно раненый волк.

Марта дико вскрикнула и взмахнула рукой, прогоняя видение – лицо Аната.

– Это знак! Следует прислушиваться к голосам небесных знаков и предзнаменований!

ТЫ несешь всем нам гибель!

Марта отвернулась и опустила на колени. Пронзительная боль тут же вгрызлась ей в сердце. Откуда-то с земли долетали испуганные крики борейцев.

Но богиня как будто выпала из своего времени и пространства.

А лицо Аната продолжало смотреть на нее в равнодушных ночных небесах.

– Хочешь быть моей царицей? Здесь и сейчас, на земле, морях и на всю оставшуюся нам вечность?

– Нет, – Марта впервые дала однозначный ответ. Ее голос был подобен дуновению ледяной белой пустыни.

– Почему? – губы Аната мелко дрожали. – Почему, Марта, скажи мне, почему?!

Она пристально смотрела в глаза ночного видения.

– Разве ты не слышал голоса Земли, Анат? Не слышал голоса ночи? Из этой ночи, нашей общей ночи, ничего не родится, ничего, что осталось бы в воспоминаниях радостью, а не страхом.

Далекий Анат застонал в отчаянии. О, как же хорошо он знал вот эту Марту. Уходя в себя, она перестает быть собой.

Анат, враг белых вещунов, знает Марту лучше остальных.

Никто другой не сможет узнать ее лучше, чем он.

Никогда!

Землетрясение закончилось, не причинив вреда борейской земле. Но краткий миг паники убил веселое настроение богов. Ночь почти отшагала намеченный ей путь, когда Япет почувствовал новые толчки.

Это были очень легкие судороги и почти неслышное рычание боли.

– Все наши Силы и вся наша Власть теперь не спасут нас, – прошептал Япет горестно.

Ночная птица пролетела мимо него, заполошно размахивая крылами и испуская пронзительные крики. Япет подумал: может, содрогания земного нутра передалась небесам?

Когда на рассвете Марта проснулась, ей показалось, что смерть распростерла свои холодные крылья прямо над храмом. Скоро должно взойти солнце, но вместо радости Марта почти физически ощущала присутствие Смерти в Храме Странствий. У нее был запах, форма, голос, едва слышный, но явственный. Казалось, стоит лишь протянуть руку, и коснешься прохлад-

ного тела Погибели. В волосах богини запуталось льдистое, враждебное дыхание, усыпившее всю Вселенную и едва-едва оживший солнечный свет.

Марта долго лежала неподвижно. В маленькой келье Храма, в которой им с Танатой довелось заночевать, было нестерпимо холодно.

Марта подошла к Танате.

Сестра спала беспокойно и напряженно.

Тринадцатая Богиня ласково погладила сестренку по головке.

И вышла из кельи.

Под Храмом, закутанное в белесое марево, спало Великое Озеро. Марта бросила на галерею взгляд и беззвучно ахнула: там крались почти бесплотные, но угрожающе-реальные тени в кожаных доспехах.

Тут проснулась Таната, и Марта вернулась в келью.

Богиня прижала палец к губам, наклонилась над свернувшейся в уголке служительницей Храма и легонько тронула ее за плечо.

– Вставай! Отпавшие проникли в Храм. Ты знаешь тут все входы и выходы. Беги и предупреди воинов богов! – горячо зашептала она. – Беги!

Подскочила к Танате, решительно подхватила ее и побежала вслед за служительницей по коридору.

Пронзительный крик внезапно вспорол тишину. Служительница ахнула, а Марта, крепко держа сестру за руку, бросилась к винтовой лестнице.

Этот крик мог принадлежать лишь богине Лиут, их матери.

Последняя ступенька. Марта замерла на мгновение. Верхняя галерея Храма тонула в ленивом утреннем свете. Только ветер резвился в ней, праздновал свой вольный праздник.

Марта толкнула младшую сестру себе за спину и приблизилась к покоям богини печали. Лиут лежала на широком ложе.

Глаза богини были широко распахнуты навстречу утру и... безжизненны. Узкий ручеек крови еще струился из перерезанного горла. Лиут была мертва, а в покоях спокойно хозяйничал человек, принесший ей смерть.

Таната закричала.

– Ты стал хозяином судьбы богини печали, но, убив печаль, уничтожил и себя! – выкрикнула Марта.

Черный убийца медленно двинулся к ней.

– Ты что-то сказала, пожива червей? – он как-то даже весело осклабился, на миг, прикрывая глаза от радости: какой удачный день, сколько добычи для богини Карис!

– Я сказала, ты уже умер, – ядом упали в его сердце слова Марты.

Отпавший открыл глаза, и ужас смертный, маятный, парализовал его. Где дерзкая девчонка? Он не успел додумать.

В тот же миг его свалила с ног огромная белая волчица, подмяла, сомкнула клыки на груди. И кожаный доспех не помог. Она рвала его отчаянно, испуганно, неистово, беззвучно. Убийца Лиут пронзительно закричал и вскоре смолк.

Марта схватила Танату за руку и выскочила прочь из покоев матери.

Галерея Храма Странствий была по-прежнему пустынна. Вдалеке слышались крики встревоженных богов.

Марта в отчаянии закрыла глаза.

Слишком поздно. Боги тоже опаздывают прийти на помощь...

...Я был неповинен в страшной гибели Лиут. Это все Карис, она перехватила инициативу. Именно благодаря постепенному обескровливанию Разума ей в конечном итоге удалось развязать войну на уничтожение. Отпавшие жаждали противостояния с предельным напряже-

нием сил. В этой борьбе им виделся источник какого-то невиданного, непрочувствованного еще экстаза.

Борея никогда не стремилась разрушить Отпавшую землю. Я, темный мистик бездны, прекрасно понимал это. Нам пришлось заставить Борею пойти на крайние меры!

Но видят небеса и бездна, я не хотел гибели Лиут!

Это все Карис, ревнивая Карис!..

...Бора низко склонился пред алтарем. Погрузившись в горестные мысли, он не замечал ничего вокруг, и только поглаживал камень алтаря, опаленного ударом молнии. Поглаживал в отчаянной попытке почерпнуть силы в священном для его сердца месте. Но не мог обрести Единый утешения.

Марта бесшумно приблизилась к нему и нежно погладила по голове. Ни в одном другом месте не отважилась бы она на подобный жест, но здесь, в этот момент, Марта была не только дочерью владыки Бореи, она была Тринадцатой Богиней, Белой Богиней Судьбы, равной, а, может быть, даже и высшей Бора по рангу.

Бора вскинул на нее глаза, схватил руку богини и провел ею по лицу. Он тоже сейчас видел в ней Более Могущественную Силу.

– Что мне делать? – едва слышно прошептал он, его голос напоминал младенческий лепет, да что там, он сам походил на ребенка, впервые в своей жизни испрашивающего совета, испрашивающего в жутком отчаянии, что сильнее даже крохотной искры надежды.

– Доверься времени, – ответила Марта, – И будь владыкой той земли, что избрала тебя.

Бора вскинул голову и огляделся по сторонам. В эти дни он думал только о себе и о своей боли. Он позабыл обо всем, что прежде было важно для него, и ныне это все припоминалось ему весьма смутно, с превеликим трудом.

– Поднимись с колен, владыка! – приказала ему Марта и наклонилась над отцом, помогая ему встать.

Бора грузно поднялся и прижался к алтарю, усыпанному белыми, алыми и желтыми цветами. Цветами смерти, распахнувшими свои бутоны навстречу ветру, избравшему отныне местом своего обитания покои его владычицы, владычицы печали.

И невосполнимостью утраты убившими сердце Владыки земли.

Марта нежно гладила его руку, и непосильный груз начал медленно, очень медленно растворяться в море ее нежности. Как будто кто-то забрал тяжкую ношу.

Бора вздохнул.

– Богиня дома моего, – прошептал он. – Вещунья белая, отыщи знак, что определит судьбу мою. Знак, что поведает мне о приношеньях будущего.

Марта отвела глаза от лица отца. Гудели пчелы, слишком рано засуетившиеся для этого времени года. Сладкий аромат цветов наполнил воздух.

Марта коснулась древнего камня, и чувство ничем не объяснимого восторга, чистой радости охватило ее. Чистая радость всегда одинока, ей нельзя поделиться, она – великая составная Культуры Тайны. В последний самый миг Марта подавила в себе порыв поделиться ею с отцом, ибо то, что исходило ныне от него, было слишком сумрачным и темным, оно несло опасность и страдания.

Бора с гибелью богини чистой печали перестал быть белым вещуном.

– Богиня воли к власти, Тарида, на седьмом месяце от тебя, отче. Вскоре она родит сына, – сказала Марта.

– Он будет жить? – вяло встрепенулся Бора. Марта помолчала, принимая непростое для нее решение.

– Да, будет. Но при условии, что ты и несколько преданных тебе Волхов удалитесь в камень. Только так ты сможешь сохранить часть дивьего борейского народа...

«...И потеряешь меня, – закончила она про себя. – Борей навсегда лишится повелителя. Ибо так записано в великих скрижалях странствий, и никто не в силах изменить предначертанное...»

...Бора, богиня Тарида и часть верных им ушли в камень белой горы Куйвы, что высится за заповедной еловой рощей. Осталось от Боры, после того, как сомкнулись горы, темные контуры могучей фигуры.

Теперь Марта приходила вечерами в рощу, прислушивалась к отдаленной перекличке ушедших в камень беловолосых, желтоглазых борейцев. Вспыхивали огоньки в глубинах Великого Вращающегося Озера, тучи ныряли в воду, все висело в мутной белесой мгле, и вместе с нею дрожало и колыхалось под глухими ударами колокола, что тихо и с натугой звенел в каменном чреве.

Марта со слезами на глазах вспоминала прощание с отцом. Он улыбнулся ей почти как в прежние, светлые времена, а затем повернулся к Япету, закутавшемуся в мантию из сверкающих нитей.

– Ты ведь будешь беречь ее, волх, Разум Огненный? – спросил Бора, и Япет сухо кивнул ему.

– Я буду беречь ее, – пообещал великий волх, прекрасно зная, что не он, а она, Тринадцатая Богиня, будет той, что станет оберегать его. Но стоит ли говорить об этом уходящему в камень?..

Марта крепко зажмурилась, вдыхая в себя далекие голоса ушедших борейцев. По-своему, они тоже... отпали. Вот и кончается борейская эра. Уходит, уходит величайший народ уже истекшего времени.

Когда ваши века клонятся к великому концу, старайтесь принять с тихой гордостью, достойно рассеяние свое и смело отдайтесь воле ветра, что развеет вас в пыль под конец лета...

Поклонники сумрачного экстаза жаждали битвы. Неведомо, какие силы ада вдохновляли Карис, заражая и меня своим темным воодушевлением, но маги тьмы отыскивали действенное решение.

Много вечностей подряд размышлял я о том, что всякое тело космоса подобно человеческому телу, что способно оно разбудить глубинные силы. Ох, недаром я был магом астрономической науки! Открылось мне, что на поверхности каждой планеты таятся свои активнейшие, яко человек, точки. Это лучики, словно у звезд пятиконечных и шестиконечных. Если в пяти таких лучиках найдется особый, редкостный материал, кан, то есть странник, любой сильный маг сможет по воле своей изменять земли. Один такой «странник» достался Япету – обрамил братец его кольцом магическим. «Странники» сии, явившиеся к нам с Ориона, способны были накапливать и передавать по всей земле энергию души, давали они знания о прошлом, настоящем и будущем.

Я повелел строить в земле Отпавшей огромные каменные башни, способные к передвижению. Иссиня-черные их громады свидетельствовали о том, что я, Мунт, был готов к борьбе до конца...

Марта настроила свое зрение, теперь она видела строительство жутких исполинов в Отпавшей земле.

В тот день было солнечно, но очень холодно. Люди-муравьи упрямо возводили башни. Все бурлило жизнью, слишком отчаянной, слишком активной и слишком истеричной, чтобы быть долгой.

Марта закрыла глаза, размышляя. Из нашего семени родится народ, думала она. Народ, что окажется сильнее времени. Из наших грехов и нашей святости вырастет нация, которая

всколыхнет мирозданье. Эти люди никогда не будут говорить на нашем языке и никогда не будут носить наших имен, какое-то время их единственной целью пребудет власть, завоевание и покорение.

Но останется и малая толика рассеянных по земле белых вещунов, белыми волчьими душами рыскающих во тьме. Они не позволят рассеяться великой нации во мраке лабиринтов власти, они заставят некоторых из них научиться Культуре Тайны.

К Марте молча подошел Япет и взял ее за руку. Они понимали друг друга без слов. Они видели одно и то же: сумрачные жуткие башни уничтожения.

– Новые камни, без истории, – прошептал, наконец, Япет.

– Они не успеют накопить в себе энергию истории, – вздохнула Марта. Будущее казалось сном.

Ночным кошмаром. – У них нет глаз, чтобы узреть сердце и душу.

Марта поежилась зябко. Великое Небо, как холодно! Очень холодно.

Стихия земли начала перерождаться в стихию воды – медленно, очень медленно, подобно тому, как под огнем свечи плавится и стекает струйкой гибели воск...

... Темные, тяжелые облака метались по небу, отрывая в мир призрачный неживой свет. Ночь трепетала нервными огнями факелов.

Белая Богиня, Волчица, бежала к Храму времени. Узкая каменистая тропинка, весной чуть украшенная робкой травой, сейчас казалась старчески лысой и отстраненной. Скоро волчица будет на месте, половина пути уже проделана.

Вершину горы занавесили тучи, – воровки, укравшие у нее точный ориентир в пути.

Волчица замерла на мгновение. Здесь, в священных горах, непогода ощущалась сильнее. Марта чувствовала токи энергии, перебежавшие от неба к земле.

Спокойно. Осталось сделать только пару шагов в туманном мареве. Все казалось иным, чужим. Воздух пощипывал, одуряя таинственными запахами.

Тоска по Неизвестному охватила душу, больно сжала сердце. Не по Мужчине, что станет единственным спутником Волчицы, нет! По Неизвестному, что войдет в ее мысли, страхи, чувства, слабость, нежность. Пусть не сейчас, не в этой жизни, не в жизни вообще, но войдет!

Я хочу любить тебя, думала она, я хочу любить тебя. Не как женщина любит мужчину, а как любит она в мужчине самое себя.

Но сеть судьбы уж сплетена, ты запутаешься в ней с ненужной любовью...

Чужой голос вторгся в душу. Марта прижала руку к серебряному медальону с опалом. Пальцы поцеловало нежное тепло, туман нехотя отступил на пару шагов.

Здесь царил тишина, серый свет Храма времени поглотил ее. Мокрая духота налипала на белые одежды и тело.

В этом промежуточном состоянии еще не успевшей преобразиться в Дух, но уже готовой к подобному переходу Материи Марта не чувствовала ни холода, ни напряжения, время замерло, не было больше ни вчера, ни завтра, не было небес и земли.

Она села на камень, плотнее укутавшись в белый плащ.

Душа рванулась из тела, и богиня увидела себя со стороны.

Она была свободна, свободнее самой ЖИЗНИ. Она могла видеть Далекое, ласкать Прошлое и заигрывать с Будущим, слышать Иное. Время наконец-то избавилось от пространства. Оно утихло, наслаждаясь собственной небывалой свободой.

– Что ты хочешь? – У вопроса не было хозяина, не было голоса, просто легкое трепетание времени.

– Ничего, – последовал ее ответ. – Или нет. Возможно, счастья... Нет, не счастья, я хочу обрести Время. Да, Время!

Она видела свою склоненную голову, медленное, такое медленное шевеление губ. Каждый фрагмент ее тела был тайной, и каждая тайна была ключом к Скрижалям Культуры Тайн, а сама она Словом, Творящим Мироздание. И Слову было необходимо время.

Она вступила в последний круг, круг Силы и Власти, вбирая в себя магию символов и звучанье Слова, Жизнь и Смерть, Прошлое и Будущее, Счастье и Нестерпимую Боль, чтобы нести в вечности Дар и Проклятие Тайны вечносущим людям.

О чем она молилась?

Легкая дрожь пробежала по телу Марты, и она почувствовала, как вновь затеплилась в ней жизнь.

Марта глубоко вздохнула и открыла глаза. Туман исчез, растворился в Небытие, и вдали мерцало над Священным Озером лазурно-голубое небо. Огромный, кроваво-алый солнечный мяч упал во врата Запада, и парочка влюбленных орлов зависла над горизонтом.

Все стало иным. Марта мгновенно почувствовала это. Почувствовала силу, мощную, небывалую, не прежнюю. Теперь она будет иначе говорить, иначе молчать, иначе действовать. Гармония, шептавшая свои напевы, баюкала душу. Свободную душу...

...Мы, апологеты иступленного экстаза, достигли всего, к чему страстно стремились. Борейцы, эти белые вещуны, старались захватить, уничтожить мои башни. А мои верные соратники с Отпавшей земли оказывали вещунам стойкое, заранее спланированное сопротивление. Стремительно росло число жертв...

Но сила экстаза начинала сдавать. Белые волки уничтожили одну из башен. Воины-маги белой земли владели искусством сражаться без гнева, черпали силу из неиссякаемого источника внутреннего Покоя.

Мой застарелый, загноившийся, длившийся три тысячелетия спор был решен...

Свободной душе дана удивительная сила – видеть. Видение рождалось медленно, оно расщеплялось на множество людей, застывших в искусственных позах, скованных искусственными одеяниями.

Он был не похож на них, высокий, могучий, широкоплечий. Рядом была она – белая волчица, дикая, с горящими желтыми глазами.

А среди тех людей, что застыли в заснеженном сонном лесу, не было ни Япета, ни сестры – никого родного, своего.

У того человека не было имени, вернее, она, Богиня Судьбы, впервые не смогла узнать его. Он был красив и молод. Светлокожий, светловолосый, с глазами цвета ясного неба, и тонкой, хитрой улыбкой.

– Скажи мне имя твое! – выкрикнула душа Марты. Ее голос отозвался многократным эхом.

– Я – твой верный пес, – говорили в ответ лукавые глаза. – Разве может быть имя у пса Судьбы?

Белая Волчица угрожающе зарычала, скаля убийственно-острые клыки.

– Скажи мне имя твое! – еще раз выкрикнула Марта.

Долго, очень долго в заснеженном пространстве царила мертвая тишина.

– Александр. Меня зовут Александр...

Видение рассыпалось на ломкие осколки стеклянной мозаики. Только горы, скалы, Священное Озеро и лес были сейчас с нею.

Марта прижала к груди руку, отдаваясь теплу серебряного амулета с упрятанным в него опалом, теплу, тяжести и силе его. Она чувствовала ласку камня и вспоминала.

Человек Судьбы, имя которого отныне ей открыто.

Или ей показалось, что на заднем плане ее видения появился сумрачный образ Аната, что-то жарко и почтительно говорившего долговязому, узкоплечему человеку с непомерно маленькой головой?

Анат и Александр. Темный человек настоящего Бореи и Человек Судьбы Будущего. Странно, что она увидела их вместе на единой кривой времени, ведущей к вратам долгой ночи.

Паутина соткана, план богов исполнен. И не изменить того, что предначертано на великих скрижалях Странствующей Судьбы.

Япет видел черное кольцо, темную петлю, что все ту же сжималась над землей. Несмотря на внешнее спокойствие, белый волх боролся с великим волнением. Будущее Бореи заполнял беспросветный мрак.

Врата бесконечной ночи открыла дерзкая рука его брата, Мунта.

«Сдайся, – шептал чей-то голос. – Или уничтожь Отпавшего, уничтожь единокровного, а, значит, себя самого! Сотри себя самого вместе с силой его!»

Это шептал ему ветер, листья в лесу. Это шептала мучительное беспокойство, страх Осознания Неминуемого, того, что еще не случилось.

Япет знал: существует единственный способ остановить Мунта. Боги и высшие их служители должны были пожертвовать своей жизнью, принести в жертву величайшее чудо из чудес – четырехмерный Храм Странствий по Вселенной и жизнь всех тех, кто в тот момент окажется в Храме.

Ибо многие вешуны отказывались покинуть его.

Многие, но не Марта.

Совершеннейшая тишина над лесом. Ни ветерка, ни истеричного всхлипа ночной птицы, ни криков звериных...

Ничего.

Тринадцатой Богине казалось, что она парит, плывет в ледяном потоке Ничего, усталая, но уверенная в собственной силе.

Единственной, реальной Силе.

Ей в одиночестве предстояло перейти этот глубокий ледяной поток Ничего, ей предстояло освободить имя. Освободиться от своего божественного имени.

Марта подняла к небу глаза, ослепленные желтой тоской. Душа пыталась взметнуться к кронам деревьев, нежно погладить их, почувствовать порывы ветра, оседлать их... Душа пыталась сверху взглянуть на истекающую кровью землю, прикрыть ее собой, вкусить света, брызжущего из осевого туннеля.

Света, что взорвет сумрачную клеть ее невольничества.

Марта вздрогнула.

Вой белой волчицы разорвал девственные покровы тишины.

И вернулся к жизни шум ночи.

Марта чувствовала, как в ней плещется Сила свободной от имени и судьбы Белой Богини, Сила, подобная реке, пресыщенной дождями, сметающей все преграды на своем пути.

Она вскинула руки к небу, чувствуя, как энергия Вселенной обретает форму, форму ее тела.

Истинная энергия пленена маленьким светящимся шаром, что могущественнее любого оружия. Этот светящийся шар может быть подобен ореху, а может уподобиться щиту. Он способен перемещаться в пространстве – лететь в небесах, катиться по земле, он способен пробить крепостную стену и заставить взволноваться чувственные груди тверди земной. Он может означать жизнь, он может обернуться смертью...

Марта зажмурила глаза, ощущая ледяное дыхание истинной энергии. Она чувствовала, как открываются врата ее души. Навстречу сверкающей свободе. Навстречу световой Вечности.

Сияющая энергия была столь сильна, что земля расщепилась с криком боли. Гребень холмов поредел, спрятался в грязном одеянии пыли.

Марта медленно покидала Борею в глубоком ледяном потоке Ничего...

...Белые вешуны произнесли Слово – и белокаменная громада, бесчисленные века неподвижно парившая над гигантским озером, начала падать вниз. Япет привел в действие скрытые силы Храма. Огромное каменное тело оказалось странником, оно погружалось в осевой туннель.

Я сопротивлялся этим силам. В Лабиринтах Великого Храма начинались битвы с белыми чудовищами. Они не позволяли пробраться Отпавшим к верховным Хранителям, к проклятому Япетке!

А боги и великий волх творили тем временем магическое кольцо. Япет извлек самое кровавленное – кристалл Ар-Камень, прозванный Камнем Перстня Япета.

Магическое излучение, излучение силы пяти башен встретилось с лучами Перстня.

Самый ужасный миг моей жизни свершился – соединившиеся лучи мгновенно разрушили и башни, и храм, и Отпавшую землю.

Метаморфоза стихий остановилась.

Отпавших не стало, но и вешунам с тех пор суждено рыскать белыми волками в вечном поиске своей Волчьей Матицы, Тринадцатой Богини...

Меня тоже не стало, я умирал вместе с возлюбленной мною до ненависти, лютой полунощной страной.

Море, холодный мокрый песок и безлюдные черные скалы. Лежащий на земле старец воздел в небо слабую руку.

– Проклинаю! Всех белых волхов Япета, скавров преданных, славичевых проклинаю! О, ты, чье имя не смею произнести, услышь! Я проклинаю их!

Юный сын его, закутанный в грязную шкуру волка, с тревогой поглядел на отца. Мунт, прародитель севера земли, гроза мелких, трепещущих людишек, проиграл. Создатель остронемейшей мудрости, живя на полунощной стране, начал действовать вопреки предостережениям Скрижалей Белой Богини Судьбы, бросил вызов самим небесам.

И проиграл.

И они остались одни, раздавленные и уничтоженные, но все еще – вопреки всему! – живые, изгнанные из стаи себе подобных вешунов.

Последние из Отпавших Темных Князей.

Анат тоже вскинул вверх руки.

– Дарующий выход из Лабиринта Проклятого Храма, яви нам милость свою! – выкрикнул он. – Дай сил отмстить и одолеть!

Он стоял молча и неподвижно до тех пор, пока ветер с моря не разметал тучи. Небо очистилось, но звезды так и не явились.

– Сын мой, – проговорил Мунт, и Анат наклонился к нему близко-близко, ловя жадно каждое слово. – Только на тебя вся моя надежда! Только на тебя уповаю в юдоли моей! Клянись, что сразишься с потомками проклятого Боря, с Белой Богиней!

– Клянусь, батюшка, – жарко выдохнул юноша. Мунт полоснул себя кинжалом из волчьей кости по яремной жиле и, угасая, прошептал:

– Пей, пей жизнь вечную отмщенья. И ступай к людям. Среди них сокроются потомки Боря, потомки Белой Богини, Волчью Матерь славя...

Сын припал к отцу. Мир окрасился в черно-красный цвет. Цвет крови. Цвет гибели. И... жизни.

– Ты будешь жить, сын, – шептал умирающими губами Мунт. – Ты... будешь... жить... доколе... мстить будешь... доколе не обретешь... победы... над белыми... волхами... В ней... все-о...

Проклятый ветер унес последние слова, остались они для Аната загадкой. «Победа» ль, «бессмертие» ль, «вечность» или же «Навь»?

То знал теперь лишь ветер...

Она кочевала на своей утлой лодчонке с острова на остров. Будто искала нечто заветное, да никак не могла отыскать.

Дольше всего она задерживалась на острове чуди белоглазой. Но не осталось там дивных людей. Возвышались два каменных сооружения, в память об ушедшем народе.

Лабиринты.

Пришелица с полунощной северной земли совершала непонятные обряды, разжигала три костра вокруг лабиринтов. Один был всегда в форме круга, второй – треугольный, третий – напоминал крест.

Марта шла по узкой тропинке, заросшей чахлой травой и мхом. Вдалеке поблескивала полоска величественной, новой реки.

Бесконечное множество запахов заполняло ее легкие наслаждением прежних времен. Она полюбила остров, он напоминал ей о прежней жизни, дремлющей ныне в сонной дымке прошлого.

Марта присела на камень, подставила лицо солнцу.

Вокруг царил тишина.

А потом она услышала детские голоса. Ребятишки всегда прибежали к ней, если богиня приходила к их рыбацкой деревеньке. Они просили целебных трав.

Они были смелее своих родителей, ибо решались заговорить с нею. Ради них Марта была готова даже пестрый камешек превратить в красавицу-бабочку, зимой одарить живой фиалкой, трепещущей надеждой на весну.

Все жители окрестных островов легко узнавали высокую женщину в плаще из белых волчьих шкур, женщину с мерцающими золотыми глазами и длинными белыми волосами, по неведомым обычаям далекого севера схваченными в высокий хвост на затылке. Ее можно спросить о чем угодно.

Но только до тех пор, пока она это позволяла.

Мальш тербил край ее одеяния.

– Ты уснула, – с упреком сказал он.

И торопливо протянул незнакомке, никогда не называвшей свое имя, скромный дар – чашу с жидким варевом, яблоки и медовый пирожок.

Марта улыбнулась, а затем взглянула на девочку, спрятавшуюся за спиной старшего брата.

– Сегодня ты не один, – сказала она и надломил пирожок.

Глаза мальчика сияли. Желание, что росло в его сердечке, придавало ему смелости, но он не знал, как сказать ей об этом.

Марта протянула руку. Девочка робко протянула в ответ свою маленькую, грязную ручонку.

– Что ты хочешь узнать? – спросила Марта.

Взгляд девчушки стал необычайно серьезен. Она почувствовала, что исходило от незнакомки.

Сила.

– Я буду счастлива? – спросила девочка у Марты. Казалось, что от ответа на этот вопрос зависит вся ее крохотная жизнь.

Марту не удивилась. Отчего-то люди всегда знали, что о подобном следует спрашивать только у нее. Больше никто не ответит.

– Какое-то время, возможно... Ты будешь счастлива, как и все. Недолго, – вздохнула богиня. – Просто научись видеть, не забывай следовать велениям сердца. А теперь ступайте.

Мальчик все-таки решился:

– Мы хотим стать твоим белым народом.

Богиня засмеялась, сверкнула жемчужными зубами.

– Вы и так мой белый народ.

– Ты думаешь?

Марта улыбнулась. Она прижалась щекой к посоху и закрыла глаза.

Она видела круженье черных волков вокруг полюбившихся ей островов у Новой реки. Их злобный вой терзал тишину. Все те волки были черными, и только одна...

Только одна волчица была белая.

Она бежала по улицам необычного города, словно парила в воздухе, испарывая сильным телом пелену тьмы.

Бежала мартовским дуновением надежды.

Март... Марта...

Имя найдено.

ПРЕЛЮДИЯ

Рождественский фейерверк! Что может быть заманчивее? Хлеба и зрелищ толпа алкала всегда, во все времена, в любые царствования и эпохи. Тем паче такого зрелища – императорского, когда земные правители, набравшись смелости, стараются подражать небожителям прошедших времен.

Новогодний фейерверк новой столицы Империи был великолепен. На большом щите между двух колонн помещался двуглавый орел, над ним – вензель нынешней Императрицы и надпись «Свет твой во спасение». Малый щит был изукрашен портретом богоподобной со словами «управи стопи моя».

«Вишь с богами на «ты»», – раздраженно подумал Сухоруков, проезжая мимо в крытом возке. – Дрянь белоглазая! Свет во спасение. Все спасает, берегиня!».

Ему вспомнились слова Князя, обращенные к Императрице: «Горлинка белая». Почти что угадал, паршивец, конюх, пирожник! Но узнать окончательно Князю не дано...

Иллюминации, фейерверки на льду, перед окнами дворца.

Россия справляла Рождество, надежду на возрождение из Тьмы...

Во дворце тоже царило веселье, костюмированный бал. Маски были хитроумными, но Императрица всегда безошибочно распознавала тех, кто старался укрыть свое истинное лицо. Но звездочет земли полунощной? Нет, не узнать его, не узнать... Что-то вспоминается, далекое, холодное, да вот что? Волосы белые.

Императрица сжала странный серебряный медальон с испещренным какими-то линиями опалом. Эх, жаль, не видно глаз высокорослого звездочета за маской. Глаза-то бы ей все сказали! Черные, соболиные брови хмурились, желтые глаза потемнели. Звездочет раззадорил, раздражил Императрицу. Светлейший Князь, чутко ловивший перепады ее настроений, силой предложил сдернуть маску с гостя. Она взглянула холодно:

– Зачем же ломать кулаком там, где можно вскрыть острием мысли?

А звездочет уверенно подошел к Императрице, склонился в почтительном поклоне, зашептал что-то в точеное ушко. Брови государыни поползли вверх. А незнакомец резко, без всякого почтения к императорской особе, вручил руками в белых перчатках огромную книгу в деревянном переплете, поклонился и торопливо зашагал к выходу из дворца.

Долгое, томительное мгновение стояла Императрица, гордо выпрямившись во весь рост, закусив чувственную, чуть капризную губку, а затем спохватилась, бросила придворным:

– Остановить сего незнакомца!

Но звездочет канул, словно во тьме растворился.

Прижимая к груди книгу, Императрица направилась во внутренние покои. Князь торопился следом.

Она была взволнованна, в глазах плескалась, готовая пролиться слезами, необъяснимая тоска. Князь схватил ее за белые, точеные плечи.

– Что, Марта, что?

Она попыталась усмехнуться, вышло криво, отвела глаза, тряхнула головой, рассыпав по плечам белые волосы, которые многие приняли за седое покрывало зрелости, когда отказалась она от маскировки – париков жгуче-черных.

– Ничего, солдат, ничего. Тоскливо мне очень...

– Это я вижу, а что за книжицу-то к груди прижала? Она открыла ее осторожно.

– То «Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского».

Писано Мавроурбином неким.

– Ну, и о чем сие сочинение? – Князь, верный поклонник старины, заинтересовался искренно, пылко.

– О делах всех народов, бывших языка славенского и единого отечества, хотя ныне во многих царствиях розселился чрез многие войны, кои имели в Европе, во Азии и во Африке. – Императрицины глаза впитывали в себя блеск свечей, посверкивали золотом. – Ни один другой народ во вселенной не был в пример славянскому. Прочие народы, которые зело были ниже его, ныне вельми себя прославляют. Много истинного сей Мавроурбин написал, почти ни в чем не ошибся.

Князь все обнимал Императрицу за точеные плечи.

– Говоришь так, словно уж книгу прочла.

– Словно видела... – императрица прижала к лицу фолиант. – Запах-то какой древний, чуешь? – Она с наслаждением вдохнула его.

– Кто же был сей звездочет?

– Он назвался... Япетом. – В ее голосе вновь зазвенела тревожная печаль. – Да токмо ложь сие, морок сплошной... Узнала я его.

– Кто же он, горлинка белая?

На бледных щеках Императрицы проступили пятна румянца.

– Покину я тебя скоро... – прошептала она.

– Марта!..

Сухоруков вскочил в возок, радостно отодрал бороду звездочета.

Дело сделано! С ее смертью погибнет Питербурх, во тьме потонет. Ибо так гласят провидцы мрачные...

– Что Марта? Я не сказала – умру, я сказала – покину. То мое последнее Рождество. Последнее Рождество Екатерины. Глубокий ледяной поток ждет, пора освободить имя сие...

...Весна подступала к новой столице. Мир расцветал, пробивалась первая листва жизни, а Государыня тосковала и чахла. Точила грусть красивую высокую грудь, хмурились соболиные брови, затухали огоньки в глазах. Все чаще руки – руки мраморной богини с нервными, ломкими пальцами – прижимались к груди, удержать стремились кровавой настойчивый кашель, что нес с собой уход в глубокую ледяную пучину. Она думала об уходе, постигая абсолютную мудрость, тоска ее не имела пределов.

В том пределе, до которого дошла она, радость и скорбь, любовь людей и ненависть их представляли как одно и то же.

– Слава есть последнее из обольщений, – сказала она как-то Князю, отворотясь от окна, в которое смотрела непрестанно. – И как она, однако, ничтожна! Слава, мой милый, просто декорация, что приходит и уходит в мусор. Актеры Славы меняются, но бессмыслие игры все то же.

Князь не понял, заволновался, расстроился, потемнев синими глазами. Приникший к замочной скважине, Сухоруков недобро усмехнулся. «Горе власти, коя, после излишеств безумной юности, вдруг становится добродетельной и человеческой! Это признаки быстрой смерти».

– Ну что, что ты говоришь такое, матушка-лапушка, помилосердствуй!

Чувственные губы были бескровно-бледны, но все же сложились в ласковую, все понимающую улыбку.

– Друг мой, ты все поймешь. Очень скоро постигнешь, что тело человеческое, из разных элементов составленное, само собою стремится к тлению; его душа – вихрь; его участь – неразрешимая загадка. Все, что касается тела, есть река текущая; все, что касается души –

сновидение и дым. Ежели для самих элементов нет никакого зла в постоянных превращениях, зачем же взирать с печалью на изменение? Эти изменения соответствуют законам природы, и нет зла ни в чем, что согласно с природой.

Князь лишь руками всплеснул в отчаянии.

– Марта! Борись, Марта!

Она нежно прижала к щеке его руку.

– Я и так, милый, победила смерть. Я знавала ее юной девочкой. А старухой с косой вызывает она во мне улыбку – смерть уже не имеет для меня значения...

...Она уходила ранней майской ночью, пронзительно светлой, манящей поскорее окунуться в глубокий ледяной поток.

Государыня не отрывала глаз от окна.

– Душа моя, душа! Скажи, как скорее освободить тебя от имен чужих, песком времени и упрямой волей людей нанесенных? Когда вкусишь ты радость свободы? Когда престанешь ты нуждаться во времени, в пространстве земном? Когда успокоишься, когда убедишься, что обладаешь уж всем, что должна иметь в юдоли сей? Когда закончится поток ледяной?

Душа рвалась, торопилась вперед неудержимой белой волчицей. В последний раз оглянулась она на вжавшееся в золоченое кресло тело.

– Не проклинай смерти, будь к ней приветливо, ибо не последний это рубеж испытаний. Встреть смерть мнимую благосклонно.

Белая волчица бесшумно проскользнула в соседние с царской опочивальней покои. Здесь дремал Князь, окончательно перебравшийся во дворец, снедала его тревога.

Захотелось завывать тоскливо, прощально. Не навеки ли прощаемся?

Нежное дуновение слов коснулось постаревшего лица Князя, поцелуем легло на его губы, скорбно поджатые, словно уже похоронил, словно уже расстался:

– Только не оцезаривайся, мой милый, не полиняй...

Белая волчица тенью выскользнула из дворца, ей необходимо успеть еще в одно место.

...Или мир только хаос, последовательное сцепление и разложение? Или он есть единство, порядок, провидение? Если первое, как оставаться в такой клоаке?.. Разложение меня настигнет. Если второе, я поклоняюсь, отдыхаю, верю ледяному потоку...

Варвара Михайловна сидела у зеркала, не в силах отвести взгляда от открывающегося ей уродства.

И вдруг зеркало затуманилось, а затем в тот же миг прояснилось, и на нее глянули ненавистно-знакомые, магически притягательные золотые глаза.

– Ты думала погубить меня? Глупая... Ты погубила не меня, Тьма надолго опустится на близких твоих, затопит ложью и клеветой ненавистников дом Князя, пожрет забвением и обманом...

Варвара Михайловна взвизгнула, нервно обернулась. Ужас сковал ее – в светелке стояла белая волчица. Как предвестница надвигающегося несчастья.

Сухоруков жадно вслушивался в слова «Протокола Верховного Тайного Совета по делу князя А. Д. Меншикова», писанного четвертого апреля тысяча семьсот двадцать восьмого года.

– «Варвару Арсеньеву послать в Белозерский уезд в Горский девичь монастырь и тамо ее постричь при унтер-офицере, который ее повезет в тот монастырь; ... и велеть ей тамо потому ж быть неисходной. И игуменье смотреть над нею, чтоб никто ни к ней, ни от нее не ходил, и писем она не писала».

Анатолий Лукич не жалел о потере «любезной своей горбушки» – чего жалеть о бабах-то! И дату сего «Протокола», подтверждающего окончательное падение Князя, считал знаковой.

Завтра, пятого апреля, день рождения Белой Волчицы, вновь ускользнувшей из его рук. Вот ведь досада – даже смерть была на ее стороне, помогла ей уйти. Ну, да ничего, он терпеливый.

Часть первая ПОВЕЧЕРИЕ

«... Мы же поступаем лучше, чем упиваться вином, мы ежедневно купаемся в крови».

Из переписки Петра I с князь-кесарем Ромодановским.

Лето 1733 года

Закончились, наконец, строительные работы в Петропавловском соборе, и придворных ждала церемония погребения умершего Императора да тела пресветлой супруги его. Покрыли уж гробницы золотой тканью с бахромой, а Сашенька, стоявший в толпе придворных, все размышлял напряженно, глядя на гробницу Ее.

«Господи, ты забираешь в свои чертоги столь молодых годами. И хороших. Я помню, Она была добрая. Может, становятся такие ангелами силы твоей, а потом живут среди людей, помогают им, многогрешным, защищают и оберегают, как могут? Верую я, Господи, любой ангел-хранитель был когда-то хорошим человеком. Таким, как Она. Но почему, почему же так тяжело и больно видеть эту украшенную золотом гробницу?»

Сашенька помотал головой, стараясь избавиться от назойливо-крамольных мыслей. Покосился на новую государыню и невольно поморщился. Хоть и вернула их Ивановна с сестрицей из пустынь ссылки, хоть и выдала сестру Саньку замуж за брата фаворита своего, да его самого одолжила местом штабс-капитана гвардии, сердце к ней не лежало, – уж больно страшна и опасна казалась. С непривычки и затрепетать в ужасе можно.

Голос архиепископа Новгородского взвился к куполу собора столь торжественно, столь напомнил Феофан юному князюшке огромную, черную мышь летучую с ликом злобно искаженным, когда бьются твари сии по ночам в ставни закрытые, что Сашенька чуть не опозорился всенародно – не омочил штаны шелковые. И не от смеха.

Сашенька уж умаялся сохранять лицо, подобающе скорбное. (В голове-то билась мыслишка подлая: «мертва Она, да счастлива», ибо все покинувшие его в земной юдоли казались ему наисчастливейшими.) И все ради того, чтобы снискать благорасположение юной Лизоньки Голицыной, изредка бросающей на него испытующий взгляд. Вероятно, девица думала, что в полумраке собора взоры ее незаметны.

И Сашенька старался казаться изо всех сил.

Проблема была не в нем. Проблемой была сама церемония горького торжества Смерти над Жизнью. Она доставляла ему непритворную, настоящую скорбь. А посему так утомляла юного князюшку акробатика лица и словес вице-президента Синода.

Пора бы тому и закругляться с речами, на много лет запоздалыми.

Кроме того, – в сем Сашенька мог признаться лишь самому себе, – он не должен был пить то проклятое пиво в австении.

Утром юный князь Александр Александрович встал необычайно рано – еще шести не было, время, кое полагал он нездоровым для силы телесной. Причем поднялся ни свет, ни заря не по своей волюшке, пробудила его тихая какая-то дурнота, что ворвалась в организм его и упрямо мучила весь день напролет. Да и не дурнота то была – пора бы уж признаться, – а... нездоровье злое. Сашенька даже думал передать записочку сестрице-фрейлине с отказом от посещения церемонии погребения Государей. Ну, не готов был Александр Александрович к встрече с инфантильным муженьком сестрички Густавом, подполковником Измайловского

лейб-гвардейского полка. Пусть тот и в обращении весьма вежлив и желает для всех быть приятен, но ума-то в нем мало, в отличие от сановного родственника.

Но сестренка заранее готовилась к церемонии, если он откажется присоединиться к ним – вряд ли Санька поймет его.

Да еще это проклятое трижды пиво! Ко всем чертям, ну не должен он был к нему прикасаться! Тем более что и не любил-то пиво никогда.

Сашенька мгновение долгое прислушивался к себе и решил, что минут десять еще так и быть потерпит, а потом торопливо дернул за обшлаг мундира шурина.

– Что? – Густав на секунду действительно испугался, а затем уж только рассердился.

– Бирон, пропусти, – горячо зашептал Сашенька с извинительными ужимками. – Дай пройти, я вскорости вернусь.

– Приспичило? – Густав убрал руку с плеча жены. – Неужто это столь срочно?

– Шутишь? – вздохнул юный князь и страдальчески завел глаза к куполу собора. – Срочнее не бывает.

– Нельзя ли потише, сударь вы мой? – веер очаровательной Голицыной возмущенно затрепетал.

Густав с шутливым видом поклонился.

– Ах, княжна, простите великодушно моего юного друга, у него слабый мочевого пузыря.

Князь зыркнул на Бирона и стал проталкиваться к выходу. О, боги, как же сильно его качает-то, и это после одной кружки пива!

Сегодня явно не его день. Сашенька боролся с ветром, незримым для сторонних наблюдателей, но чертовски опасным для него. А еще эта черная дурнота, что накатывает на него волнами, хоть бы никто не заметил его спотыкающуюся, позорную неловкость.

Как же, не заметят. Юный князь с несчастнейшей гримасой на лице поймал взгляд красавицы, стоявшей у самого входа в собор. Молода, отметил он про себя, и хороша. Впрочем, особенно-то и не разглядишь, эвон как в фиолетово-лиловый плащ закуталась. Впрочем, красавица роста высокого, это очевидно. А глазки золотые огоньки свечей в себя впитали, поглядывают на него чуть недоверчиво. Эх, учуяла, верно, красотка (носик слегка длинноват, отметил про себя князь-привереда) ароматы пивные. И ведь досада, неважно, сколько его, пива этого, выпьешь, – все равно смердит невместно.

Сашенька повинно опустил взгляд и прошествовал мимо. Дурнота билась в лоб и виски.

Он закрыл глаза, сделал пару шагов в абсолютной темноте, повис на дверях и вырвался, наконец, на свежий воздух. Да что с ним такое? Нет, то не пиво, распитое с Густавом, виновато. Что-то засело у него в костях, инфлюэнца какая-нибудь, завтра или послезавтра скрутит горячкой да кашлем мерзким. Только заболеть не хватало! Он же так молод, его вечность от старости отделяет!

«Она тоже была молода, а вот покинула нас с батюшкой», – раздался в голове предательский голос. Слишком многое в последние недели заботило его, слишком мало он спал, поддерживая себя лишь кофейком крепчайшим да трубочкой знатного табачку. Нет, нельзя безнаказанно пренебрегать плотью своей!

И Сашенька рассердился на нетерпимость своего естества, оставившего его в такой беде.

Юный князь вздохнул глубже. Воздух, наполнивший легкие, чуть распугал дурноту. (Возможно что и не напугал. Просто он ждал, что напугает, да какая, в общем-то, разница?).

Не к месту вдруг вспомнилось, как бивал его младшенький император, Петр Алексеевич Второй, бивал до полной потери сознания, покуда, мол, пощады не попросит. А просить не хотелось, сам ведь тоже юн был, горяч, и безумно хотелось дать сдачи царственному негоднику...

Еще горестнее стало, когда вспомнил о письме батюшки-Князя:

«По вашего императорского величества указу сказан мне арест, хотя я никакого вымышленного перед вашим величеством погрешения в совести моей не нахожу... да не зайдет солнце во гнев вашем... Я всенижайше прошу, дабы ваше величество повелели для моей старости и болезни от всех дел меня уволить вовсе».

Эх, батюшка, батюшка, зашло-таки солнце. Темно ныне, темно...

Сашенька шел неуверенно, пошатываясь, опасаясь сверзиться позорно с соборных ступенек.

Но свежий воздух все ж таки помогал ему. Отступала дурнота, отступала. Сашенька заполз в самый темный закуток крепостного двора, странно пустого.

Экое все – чужое. Что-то особенное, нереальное угнетало воздух, словно хмара непогожая в небе зависла.

Сашенька вздрогнул.

Здесь все было не то и не так. Александр не смог бы объяснить, что точно переменялось, но... Может, крепостной плац редко казался столь пустынным, как ныне. Вечная человеческая суета есть жизнь. А теперь пространство было... лживо-мертвенным. Таким же призрачным, как осиротевший дворец батюшки после обрушившихся на их семейство бед.

Веяло ледяным холодом, и это сейчас, летом-то. Сашенька прижал руку к груди, потеряв ее, чувствуя тонкую, колющую боль, разливавшуюся где-то внутри, за грудиной.

Справив нужды малые, Александр почувствовал, что дурнота возвращается, подлю, нагло, нажимисто. Он покачнулся, вытянул вперед руку, уперся в шероховатую стену.

Слава богу, удалось избежать распоследнего несчастья сего дня – Сашенька живо представил, каковыми будут злоехидные комментарии Бирончика, коль вернулся бы он в панталонах с мокрым пятном. Он долго стоял неподвижно, вглядываясь во тьму, что клубилась за смеженными веками, и ждал, авось дурнотище наскутит над ним глумиться.

Та и впрямь отступала – медленно, мучительно.

Александр подтянул штаны и вздохнул с облегчением.

Горькая слюна противно скапливалась под языком. Он ткнулся лицом в стену, сплюнул, постоял еще, утирая кружевным платочком выступивший на лбу пот.

Обернулся резко и замер от ужаса.

Ну, не может то, что он увидел, быть человеком, созданным по образу и подобию божьему! Бледное долговязое привидение с черными провалами глаз, с губами, искривленными судорогой отчаяния, – нет, то житель царства духов! Сашенька наблюдал за видением в молчаливом оцепенении, а потом зажмурился, замотал головой, рука потянулась оградить себя крестным знаменем от наваждения, да не смогла. А, видит бог, он хотел перекреститься!

Сашенька открыл глаза – нет никого, только высокий темноволосый мужчина, весьма дурно сложенный, весь какой-то неудачный, в обтерханном скромном мундирчике пристроился справлять нужду. Тень у него какая-то странная, то пристанет к нему липко, то вообще в сторону метнется. Дивно сие, дивно.

Эх, не стоило ему приходить сюда! Мысль столь громко оповестила о себе, словно кто-то нашептал ее в ухо Сашеньки. Нет, не стоило, конечно же, но ведь пошел! «Бедный», – навязывала себя мысль.

Александр замер.

Да один он здесь, один! Если не считать того перерослика.

И, тем не менее, кто-то был рядом. Внезапно Саша понял, что в собор возвращаться не стоит. Если он решится на сие, произойдет нечто непоправимо ужасное.

А выбора-то не было. Плохо ему, маятно, дурно! Холодный пот росой обсыпал лоб, коленки вон трясутся. Левая рука совсем заледенела, так что даже больно.

«Не ходи туда! Не ходи! Не приближайся к незнакомцу!»

Какая все же навязчивая мысль!

Внезапно пред глазами всплыла Она – еще живая, радостная. Он был мал тогда, при нем еще не стеснялись говорить про непонятное.

Батюшка внимательно всматривался в ее слова:

– ... Долго, камень за камнем, возводились монументы. На открытия их вечно стекаются тысячи почитателей, те граждане мира, без коих не мыслится ни один незыблемый монумент. На пьедестал золотой по лесенке приставной, пыхтя и отдуваясь, взбирался увенчанный славой Герой. Поправив лавровый венок – из бронзы, аль меди – на голове, разворачивал он длинный свиток и бросал в затаившую дыхание толпу пару тяжеловесных цветистых фраз. Фразы сии камнями падали на слушателей, выбивая из глоток патриотов восторженный рев. Долгое время монументам поклонялись, приносили к ним раболепно цветы, сетования на судьбу и горькие жалобы нереализованных мечтаний. Проходили дни, месяцы, годы, века, эпохи, и ветер иных времен засыпал монументы песком, превращая их в высокие могильные холмы. И тогда забытые народом герои начинали мстить. Ночью они спускались с пьедесталов и отправлялись в дома своих вероломных поклонников. И убивали их.

О чем Она хотела сказать, Сашенька не понял, мал был слишком. Но ведь запомнились слова непонятные, а сейчас запульсировали в голове болезненно.

В следующий миг Александр напрочь позабыл о Дурноте и боли.

Он не упал, он просто споткнулся обо что-то, вернее, об кого-то, кто лежал поперек дороги в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.